

Деннис Шеллер-Болътц

Фиксирование интернациональных цвязанных корней в двуязычных толковых словарях

Przegląd Wschodnioeuropejski 6/1, 153-165

2015

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach
dozwolonego użytku.

ДЕННИС ШЕЛЛИЕР-БОЛЬЦ

Инсбрукский Университет имени Леопольда-Франца

ФИКСИРОВАНИЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫХ СВЯЗАННЫХ КОРНЕЙ В ДВУЯЗЫЧНЫХ ТОЛКОВЫХ СЛОВАРЯХ

Recording bound roots in the bilingual dictionaries

Ключевые слова: интернациональные связанные корни, лексикография, прагматика, двуязычный словарь

KEYWORDS: international bound roots, lexicography, pragmatics, bilingual dictionaries

ABSTRACT: It is a common misunderstanding that international lexical units have the same meaning in different languages. Yet, when we consider the use of international bound roots in Russian we can observe that their usage differs in several aspects from the usage of their equivalences in other languages (here: German). The most obvious aspect is, of course, a difference in meaning (semantic structure). However, there are more factors which lead to a different usage of international units in different languages. For example, we can see that the pragmatic marks of international units can differ because their use is determined by different factors and circumstances (frequency, text, social group etc.). Furthermore, an international unit can have a different function in conversation. We can conclude from these considerations that international units should be included in bilingual dictionaries.

1. Введение

Начиная с 1989-го года, в частности с середины до конца 1990-х годов, мы могли наблюдать распространение уже имевшихся в русском языке до этого периода интернациональных элементов и, вследствие этого, сильное нарастание их продуктивности. К таким интернациональным единицам относятся не только суффиксы, напр. *-изация*, *-изм*, *-ист*, или такие префиксы, как *супер-*, *анти-*, *ультра-*, но и такие морфологические единицы, как *био-*, *эко-*, *евро-*, *нарко-*, *ретро-*, *кибер-*, *-навт*, *-мат*, *-фоб*, *-голик*. Единый термин для этих элементов, несмотря на их неоднократную тематизацию, как и на разностороннее и подробное освещение этих единиц в научных трудах, пока не найден. В связи с этим стоит, наверное, упомянуть тот интересный факт, что в германистике для таких лексических

единиц укоренился устойчивый и общий термин *Konfix*, который сегодня не только часто употребляется, но и существенно облегчает работу с этими единицами, хотя и в германистической лингвистике решены не все терминологические вопросы (широкий обзор этой темы и подробная дискуссия по терминологии см.: Scheller-Boltz 2010a; 2010б). В полонистике, например, были единичные попытки введения термина *konfiks* (Kortas 2003; Scheller-Boltz 2010a). Чаще всего в полонистике употребляются описательные и общие, но при этом часто неточные термины как „*pierwszy człon wyrazów złożonych*” [первый элемент сложных слов] или „*element obcy*” [чужой элемент], в то же время мало учитываются терминологические тенденции и дискуссии в других дисциплинах.

В русистике ситуация и научная дискуссия по отношению к оговариваемым в настоящей статье единицам складываются по-другому. Во-первых, здесь наблюдается терминологическая проблема. Мы не можем употреблять или даже заново ввести термин *конфикс*. Он уже существует в русском словообразовании, имея здесь определенное и специфическое значение. В русском языкознании под *конфиксом* понимается так называемый *циркумфикс*, морфема, состоящая из двух частей (префикс и суффикс либо префикс и постфикс), которые «действуют в словообразовательном акте комплексно» (Земская 1973, 31), образуя следовательно одновременно (новое) слово (напр. *под-окон-ник*, *расшуметь-ся*, *на-танцевать-ся*). Следовательно, *конфикс* относится в русистике к определенному морфологическому и словообразовательному феноменам.

Во-вторых, отличаются лингвистические подходы к единицам, которые мы здесь анализируем. При интерпретации и исследовании этих единиц важны не столько их морфологические признаки, сколько их происхождение, так что дискуссия в научной сфере происходит в первую очередь на уровне контактной лингвистики. Но поскольку оговариваемые в настоящей статье единицы с этимологической точки зрения могут быть категоризированы как корни и, кроме того, характеризуются (либо с морфологической, либо с контекстуальной точки зрения) своей связанностью, я предложил называть их *связанными корнями* (Scheller-Boltz 2010a). Термин *связанный корень* также уже давно вполне укоренился в русском словообразовании. Однако признаки, которые характеризуют эти единицы, не в меньшей степени касаются рассматриваемых нами интернациональных единиц. Под *связанными корнями* в русском языкознании понимаются корни, которые «живут в языке только в соединении с суффиксами и приставками, т.е. в связанном виде» (Земская 2005, 50). Как примеры прототипичных связанных корней приводим

-бав- (напр. *прибавить*) и -верг- (напр. *отвергнуть*). Ниже оговариваемые единицы можно, по нашему мнению, относить к этой морфологической группе и, следовательно, классифицировать как связанные корни, ибо они не могут выступать самостоятельно, а исключительно в комбинации с суффиксом, словом или другим связанным корнем. Безусловно мы осознаем, что термин *связанный корень*, несущий более общий характер и не являющийся точным, больше описывает, чем конкретизирует, ибо связанными корнями являются и другие единицы, как *хаус* (ср. *кофехаус*), которые однако из-за расхождения их морфологических критериев именно этой группе не принадлежат. Все-таки мы считаем, что употребляя этот термин, мы можем описывать и категоризировать интернациональные единицы с большей точностью.

Связанные корни, такие как *био-*, *эко-*, *евро-*, *нарко-*, *ретро-*, *кибер-*, *-навт*, *-ман-*, *-фоб-*, *-голик*, стали после перестройки гораздо более продуктивными, так что их значимость в морфологии и словообразовании русского языка сильно возросла. Однако все еще – а сегодня с временного расстояния еще сильнее – можно заметить, что в лексикографии им уделяется недостаточно внимания. При этом наблюдается не только теоретическое пренебрежение проблемой, то есть не достаточно обсуждаются теоретические аспекты, направленные на изучение возможностей включения таких корней в словари и на изучение адекватного способа их отражения в словарной статье. Но пока и не осуществилось практическое применение этих аспектов, что непосредственно вытекает именно из недостаточных теоретических работ. Как в двуязычных, так и в одноязычных словарях связанные корни либо подвергаются недостаточному отражению, либо совсем не фиксируются (ср. Scheller-Boltz 2013a; 2013б; 2010в). В настоящей статье нами иллюстрируется – с опорой на предыдущие статьи – необходимость включения интернациональных связанных корней в двуязычные (русско-немецкие и немецко-русские) словари и неизбежность их отражения как самостоятельных лемм.

2. Семантические признаки в двуязычном сравнении

Интернациональный характер многих связанных корней создает на первый взгляд впечатление, что эти элементы в разных языках имеют идентичный семантический спектр. Однако сравнение семантической структуры показывает, что русские и немецкие связанные корни имеют некоторые семантические различия (Scheller-Boltz 2013б, 170). При этом некоторые различия являются константными, потому что связанным корням иногда свойственны разные семемы. Однако, часто различия в семантической

структуре обнаруживаются в контексте, то есть в конкретном коммуникативном акте, так что интернациональные связанные корни могут активировать в русском языке те семемы, которые их немецкие эквиваленты либо не могут реализовать при тех же обстоятельствах, либо не могут реализовать вообще.

В качестве яркого примера я неоднократно приводил корень *евро-* (Scheller-Boltz 2013б; 2010а; 2010в). В отличие от немецкого варианта *euro-* семантический объем русского эквивалента *евро-* намного шире. Между тем как *euro-* в немецком языке имеет почти исключительно значение «(обще)европейский», русская единица *евро-* имеет или по крайней мере может иметь – в зависимости от контекста – значения: а) «(обще)европейский» (ср. *евроконцепция*, *европутешествие*), б) «Европейский Союз», «относящийся к Европейскому Союзу» (ср. *евродепутат*, *европарламент*, *евроконституция*), в) «Западная Европа», «относящийся к Западной Европе» (ср. *евространа*, *европолитика*). В немецком языке сложные слова с единицей *euro-* только в очень редких случаях устанавливают связь с Европейским Союзом (ср. *Euroskeptiker*, *Eurobanane*).

Наблюдаемый переход корня *евро-* от классифицируемой к квалифицируемой словообразовательной единице подвергается с 1990-х годов интенсивной лингвистической дискуссии (напр. Земская 2002). Этот культурно-обусловленный феномен основывается на существующем в России определенном представлении о Европе. Европа несет в себе позитивную оценку и ассоциируется со статусом и престижем. Поскольку *евро-* относится к Западной Европе, этому корню приписывают такие семантические признаки как «высокое технологическое развитие» и «высококачественность» (Земская 2002). Вследствие этого корень *евро-* имеет еще одну культурно-обусловленную семему, а именно «современный», «развитый», «качественный», «престижный», «хорошо оснащенный / оборудованный» и прибавляет сложениям в зависимости от контекста эти же специфические значения (ср. *евробрюки*, *евродизайн*, *евроманикюр*, *европедикюр*, *евростайл*, *евроклуб*, *евроремонт*, *евростиль*). При этом не обязательно устанавливается прямая связь с Европой или с Европейским Союзом. Эта семантическая модификация, обусловленная культурной спецификой и языковой концептуализацией мира, граничит с прагматикой, ведь релевантность здесь имеет не только значение: важнейшую роль играет в таких случаях само употребление *евро-*, так как этот корень способен прибавить престиж и качество тому денотату, который именуется определяемым словом (ср. *евробрюки*). Принимая во внимание вышеуказанные аспекты, следует заметить, что неизбежным является отображение таких семантических и прагматических признаков в двуязычных толковых словарях.

3. Употребление и функция связанных корней

Рассматриваемые в настоящей статье интернациональные связанные корни связываются с именами существительными (ср. *евробутылка, чатоман*) или именами прилагательными (ср. *биокосметический*), а также с основами (ср. *книгофоб*) и с другими связанными корнями интернационального характера (ср. *биофоб, кибернавт, наркоман*). Сложения бывают устойчивые, образованные по аналогии, не имея соответствующих словосочетаний (ср. *биоигрушка, евроманикюр, киберпространство, ретродизайн*). Сложения могут, однако, быть классифицированы как производные, поскольку предполагается, что они образуются или производятся от синонимичных словосочетаний (ср. *наркомафия – наркотическая мафия*). Только весьма редко мы наблюдаем комбинацию, состоящую из интернационального связанного корня и суффикса (ср. *ретроизация*), ибо морфологическое ограничение приводит у многих корней к неспособности прикреплять к себе суффиксы.

Относительно употребления связанных корней в литературе зачастую высказываются только неточные предположения и необоснованные выводы, вытекающие из поверхностных, общих наблюдений. Однако для адекватного описания связанных корней необходимо проводить тщательные, всесторонние и прежде всего функционально направленные исследования, учитывая при этом прагматические и социолингвистические аспекты. Кроме того, необходимо включить в анализ культурные концепты. При этом мы исходим из следующих предположений:

Во-первых, допускается предположение, что имеется разница в употреблении интернациональных связанных корней в разных языках по культурным, культурно-обусловленным причинам. Корень может включиться в определенный, существующий в рамках данного культурного круга концепт и раскрыть мировоззренческие представления (концепции). Выше мы упомянули корень *евро-*. Можно привести еще два примера: *био-* и *эко-*. Сравнивая эти корни, например с эквивалентами в немецком языке, можно заметить явные различия. Причем эта разница касается не только семантики, но и частотности. Поскольку природа, климат, окружающая среда и их охрана, здоровье и питание занимают в Германии намного более высокую позицию в системе ценностей и имеют больший вес, чем в России, частотность слов с корнями *био-* и *эко-* в немецком языке значительно превосходит количество и частотность словосложений с *био-* и *эко-* в русских текстах. Кроме того, в обеих странах не совпадают взгляды на то, что является действительно невредным, натуральным, то есть выращенным или изготовленным экологически чистым способом (Scheller-Boltz 2013б). Следовательно, частотность этих двух корней

в русском языке является более низкой. Во-вторых, различия в употреблении корней можно объяснить чисто языковыми причинами. Большую продуктивность имеет в русском языке корень *нарко-*. В немецком языке *narco-* встречается в речи намного реже, ибо его употребление ограничивается прежде всего медицинским языком или медицинским жаргоном. Корень *narco-* выступает в немецком языке с диатехнической окраской (*diatechnical mark*; подробно см. Hausmann 1989) – значит с профессиональным оттенком – в первую очередь в специфических, профессиональных, медицинских текстах, в отличие от русского языка, где *нарко-* встречается в стилистически вполне нейтральных сложениях.

В-третьих, нужно предположить, что связанные корни могут носить диастратическую, а значит и социолингвистическую окраску (*diastatic mark*; подробно см. Hausmann 1989), поэтому анализ социодемографических факторов может привести к интересным выводам по отношению к употреблению связанных корней. Так, в интернете наблюдается большое количество сложных слов со связанными интернациональными корнями, достигшими на сегодняшний день широчайшего распространения, так что их классификация как окказионализмов оказывается часто неоправданной, хотя мы, услышав такие слова, отнесли бы их к группе окказионализмов. Однако их употребление, скорее всего, ограничивается определенными социальными группами, так что для некоторых носителей языка созданные и употребляемые в интернете слова со связанными корнями не являются неузуальными, окказиональными, спонтанными, а именно «настоящими» словами. При этом нужно упомянуть, что в интернете открываются многочисленные возможности и причины для общения. Известно, что обмен информацией (особенно в чатах, блогах) отходит на задний план, а важным фактором становится приятный, легкий, развлекательный формат общения. Поэтому образуются слова исключительно в соответствии с тематическим, ситуативно-контекстуальным и коммуникативным условием (Schlobinski 2005; см. также Scheller-Boltz 2011a). Бывает, что другие пользователи подхватывают такие слова и употребляют их в других текстах. Таким путем словообразовательно-креативные конструкции распространяются, однако же только в определенном кругу людей. И здесь возникает вопрос, носят ли такие слова окказиональный характер? По-моему, очень нелегко классифицировать слова, особенно когда речь идет о словах, образованных и употребляемых в интернете. Нельзя присваивать словам окказиональный статус только потому, что они противоречат языковой системе и норме и не входят в общий, литературный язык. Они имеют свою функцию, и только по функции их следует оценивать.

В-четвертых, нужно обратить внимание на диатекстовую окраску (*diatextual mark*; подробно см. Hausmann 1989) слов, следовательно на их появление и употребление в особенных видах текста. Иногда кажется, что употребление интернациональных связанных корней и образованных от них словосложений происходит в зависимости от вида текста. Безусловно, мы обнаруживаем такие словосложения в прессе или официальных пресс-релизах. Однако значительно чаще мы встречаемся с такими словами в социальных сетях (*social media*), дискуссионных и информационных форумах, а также в блогах и чатах, в заголовках, тизерах (рекламных роликах), сообщениях, следовательно, везде, где, наверное, этот тип словосложения необходим из-за ограниченности места.

4. Связанные корни в двуязычных словарях (для переводчиков)

Вышеизложенные мысли показывают, что включение интернациональных связанных корней в двуязычные словари необходимо и что внесение добавочной информации (морфологические, семантические, прагматические признаки) об этих единицах объясняли бы пользователям их значение, функцию, возможности их употребления и их коммуникативное намерение. Только так можно узнать, как правильно употреблять эти корни и как самостоятельно строить новые сложения, в том числе окказиональные слова. Кроме того, закрепление связанных корней предоставляет пользователям возможность для межкультурного сравнения, демонстрируя разницу в их употреблении, значении и функционировании в немецком и русском языках.

Интернациональные связанные корни приобрели очень большую (словообразовательную) продуктивность и являются важными, даже элементарными составляющими в русском языке, так что лексикографическое отражение этих корней становится сегодня одной из задач в области лексикографии. Если словосложения со связанными корнями квалифицируются как узуальные, в том числе идиоматические и / или особенно маркированные сложения, то они в целом как единые словообразовательные конструкции должны подлежать лексикографическому кодифицированию (Scheller-Boltz 2013б, 177). Однако нужно отметить, что лексикографическое кодифицирование и описание отдельных интернациональных связанных корней могли бы помочь раскрытию значения не включенных в словарь словосложений. Это в частности касается мало распространенных или окказиональных слов. В связи с этим Вольфганг Мюллер (Müller 1989, 879) пишет, что лексикографическому кодифицированию должны подлежать все продуктивные словообразо-

вательные единицы, если лексикографы намереваются открыть реципиенту семантическую структуру окказиональных слов.

Выше было показано, что включение интернациональных связанных корней в двуязычный словарь необходимо по двум причинам: а) словарная статья таких единиц обеспечивает семантическую прозрачность и раскрывает – нередко культурно-обусловленные – семантические различия; б) дополнительные данные ярче демонстрируют способы употребления и стилистическую окраску слова, которая может стать важной информацией при рецепции и создании текста.

Анализируя до сих пор изданные и общеупотребительные двуязычные словари, можно заметить в целом два недостатка: во-первых, их объем всегда ограничен. Весь существующий и употребительный словарный состав не может быть включен в один, даже многотомный словарь. Во-вторых, словарями пользуется очень широкий, как правило, гетерогенный круг носителей языка. В связи с этим концепция и составление любого словаря происходит в соответствии с этими группами (филологи, переводчики, студенты, туристы, интересующиеся языком и т.д.). А поскольку необходимо соединить имеющиеся у каждой группы разные потребности и ожидания, словари не могут строиться по единым критериям. Поэтому, например, до сих пор не существует словаря, специально конципированного и разработанного для переводчиков. На данный момент не существует всесторонних исследований, однозначно подтверждающих, кто именно или какая группа в каком объеме пользуется каким словарем. Таким образом лексикографы постоянно вынуждены ограничивать и отбирать существующий словарный состав, включая в словарь, с одной стороны, соответствующие их концепции слова, и, с другой стороны, ожидаемые пользователями словообразовательные и лексические единицы, слова и словосочетания. Кроме того, лексикографы постоянно пытаются разместить в микроструктуре, то есть в самой словарной статье, как можно больше разнообразной информации о данной лемме, чтобы таким образом удовлетворить разные потребности, которые гетерогенная группа пользователей предъявляет к двуязычному словарю. К сожалению, ожидания и потребности, выражаемые переводчиками, очень часто не учитываются; а ведь именно для них крайне важны вышеуказанные аспекты в отношении связанных корней. Причина такого положения носит экономический характер, ведь создание такого словаря не является рентабельным проектом. Однако переводчики составляют большую группу, пользующуюся двуязычными словарями. И пользуются ими по разным причинам: чаще всего при возникновении чисто языковых трудностей (дефицит языковой компетенции), рецептивных трудностей (дефицит понимания), неуверенности в формулировании при создании

текста (дефицит языкового варьирования) или трудностей при выборе и / или вставке эквивалента. При этом обращение к словарю происходит выборочно и точно (Kühn 1989, 115 сл.), так как пользователи нуждаются в информации об одном конкретном феномене. Обращаясь к двуязычному словарю, его пользователи могут, безусловно, найти подходящий, точно соответствующий идеальный переводческий эквивалент. Однако можно пользоваться словарем, чтобы получить первый ориентир, первые идеи и варианты решения переводческой или языковой проблемы, за чем непосредственно следует более подробный поиск информации. Таким образом обращение к словарю может быть началом дальнейшего исследования данного переводческого и языкового вопроса (Worbs 2002, 44).

По отношению к интернациональным связанным корням можно констатировать тот факт, что двуязычные словари до сих пор во многих случаях не предлагают своим пользователям никакого ориентира и не предоставляют соответствующий эквивалент. У носителей русского языка это приводит во время создания немецкого текста при помощи русско-немецкого словаря к тому, что они образуют в немецком языке неправильные, ненормативные и необычные словосложения (ср. напр. *евродепутат*, *евромобель*, *наркомафия*, *паркомат* и варианты в немецком языке **Euroabgeordneter*, **Euromöbel*, **Narkomafia*, **Parkomat*). Иногда образованные по аналогии с русскими сложениями слова-эквиваленты просто не являются соответствующими вариантами, так как в немецком тексте, с учетом контекста, ситуации, вида текста и т.д. образованные и в конечном итоге употребленные эквиваленты не подходят к коммуникативным условиям. Такие ситуации наблюдаются, потому что двуязычные словари не предоставляют достаточной информации к интернациональному связанному корню в микроструктуре. Бывает, что словари приводят только вариант(ы) интернационализма в целевом языке. Однако очень часто двуязычные словари вообще не отражают интернациональные связанные корни.

В случае же, когда носитель немецкого языка отыскивает в том самом словаре соответствующие, то есть идентичные корни, а эквиваленты перечисляются на его родном языке, обычно никаких проблем не возникает. Очевидно, что всегда бывают случаи, когда носители языка образуют в своем родном языке слова в нерелективированном виде, которые вследствие этого по разным причинам бросаются в глаза. Но тем не менее они интуитивно, благодаря своей компетенции в родном языке, образуют правильные словоформы, исходя из информации, которую словарь предоставляет им.

По отношению к интернациональным связанным корням можно констатировать, что эквиваленты в целевом (иностранным) языке

удовлетворяют прежде всего требованиям к пассивным словарям. Приведенные эквиваленты категоризируются, понимаются и правильно употребляются скорее пользователями, в родном языке которых отражены эти эквиваленты. Следовательно, недавно изданные или все еще издаваемые словари служат в первую очередь переводу на родной язык (ср. Worbs 2002). Иллюстративные и детальные пометы не прибавляются в достаточной мере к эквивалентам, о которых знают носители родного языка, но с которыми неносители языка не всегда знакомы. Многие, в первую очередь постпозитивные корни (напр. *-навт*, *-мат*, *-фоб*) пока ни в одном двуязычном словаре не закреплены. Так например, находящийся с 2003-го года в процессе выпуска многотомный русско-немецкий словарь под редакцией Ренате Беленчиков (*Russisch-Deutsches Wörterbuch*, Belentschikow 2003ff) фиксирует и отображает большое количество словосложений с интернациональными связанными корнями, однако отдельные корни в нем не закрепляются. Такую же картину можно наблюдать по отношению к другим двуязычным словарям: либо интернациональные связанные корни вообще не играют никакой роли, либо словари закрепляют их только выборочно в очень малом количестве. Однако все двуязычные словари имеют одну общую черту: они все без исключения включают в микроструктуру недостаточно информации и содержат слишком неточные пометы, причем последние часто даже отсутствуют. Поэтому перечисленные эквиваленты в целевом языке не являются ни целесообразными ни полезными для осуществления перевода на иностранный язык.

Как же на сегодняшний день должна выглядеть микроструктура словарной статьи к связанным интернациональным корням? Придется принять во внимание, что эквивалентность не относится только к одному уровню, как к семантическому уровню, а эквивалентность нужно восстанавливать каждый раз на соответствующем уровне, поскольку она бывает разная и может иметь в зависимости от ситуации, контекста и коммуникативного намерения разнообразный характер. При поиске эквивалента не только денотация играет важную роль. Например русский корень *нарко-* имеет, по всей вероятности, то же самое значение, что и немецкий эквивалент *narco-*, так как семантическая структура этого корня в обоих языках идентична. То же самое касается корня *-мат*, ведь он показывает по сравнению с немецким корнем *-mat* семантическую идентичность. Тем не менее в немецком языке следует употреблять *Bankautomat* и *Parkautomat*. Здесь стоит упомянуть, что употребление корня *-мат* в немецком языке встречается не так часто, как в русском языке. Поэтому полезна была бы информация о частотности его употребления. Ведь когда мы не находим в словаре никаких помет, в том числе помет

относительно частотности (*diafrequent mark*; подробно см. Hausmann 1989), то мы предполагаем, что оба корня являются равноценными эквивалентами по отношению к их частотности (Schaefer 1989, 690 сл.).

Эти мысли служат доказательством тому, что нужно добавить в микроструктуру словарной статьи указания на маркированность корня, которые могут дать носителям неродного языка ориентацию, прежде всего относительно правильного их употребления (Belentschikow 2002). То же самое мнение высказывает Гаусманн (Hausmann 1989, 649), когда он пишет на тему окраски лексических единиц, что в процессе порождения текста неизбежно возникают некие ограничения в употреблении слов или отдельных лексических единиц, которые носителям родного языка интуитивно знакомы, но которые иностранцам нужно учить, как фонетические, морфологические, семантические, синтаксические и парадигматические правила.

Маркированность можно отражать в качестве примечаний, сокращений или символов. Возможно также предоставление эквивалентов в целевом языке, которые имеют ту же самую окраску, как и единицы в исходном языке (Engelberg/Lemnitzer 2008, 185). В этом случае отдельное добавление данных о стилистической маркированности не нужно. По этому поводу Ворбс (2002, 43) совершенно справедливо утверждает, что двуязычные словари должны в любом случае представлять собой комбинацию из эквивалентного, толкового и дефиниционного словаря.

5. Заключение

Настоящая статья призвана побудить лексикографов более активно и всесторонне учитывать интернациональные связанные корни при отборе словарных единиц для двуязычных словарей. Важным элементом является адекватное описание их семантической структуры. Необходимо в таких случаях приводить адекватные эквиваленты в целевом языке либо указания к другим леммам (словам, словообразовательным единицам и т.д.). Важны и парафразы, примечания или описания. Кроме того следует уточнить, что выяснение и описание семантической структуры интернациональных связанных корней может быть достигнуто исключительно с учетом культурно-обусловленных концептов, расходящихся в разных языках. В микроструктуру словарной статьи должны быть обязательно включены примечания с ориентиром на контекст. Сверх этого, большое значение имеет и информация о стилистической окраске. Таким образом обеспечивается разграничение разыскиваемого корня и других лексических единиц. Если, например, выясняется, что некий корень в русском языке и его непосредственный эквивалент в немецком языке отличаются друг от

друга по признаку стилистической маркированности, то пользователь словаря принимает эту информацию и отказывается от употребления этого корня в немецком языке. Если связанный корень имеет несколько помет, то будет полезным учитывать как можно больше вариантов и других данных.

Литература

- Земская, Е. А. (2005), Современный русский язык. Словообразование. Москва.
- (2002), Специфика семантики и комбинаторики производства слов-гибридов, [в:] Mengel, S. (Hg.), *Slavische Wortbildung: Semantik und Kombinatorik*. Münster, 157–169.
- (1973), Современный русский язык. Словообразование. Москва.
- Belentschikow, R. (Hrsg.) (2003ff), *Russisch-Deutsches Wörterbuch*. Wiesbaden.
- (2002), Probleme der Stichwortauswahl und des Wortartikelaufbaus in einem russisch-deutschen Neologismenwörterbuch, [в:] Kunzmann-Müller, B./Zielinski, M. (Hrsg.), *Sprachwandel und Lexikographie. Beispiele aus slavischen Sprachen, dem Ungarischen und Albanischen*. Frankfurt a.M., 68–82.
- Engelberg, S./Lemnitzer, L. (2008), *Lexikographie und Wörterbuchbenutzung*. Tübingen.
- Hausmann, F. J. (1989), Die Markierung im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch: eine Übersicht, [в:] Hausmann, F. J./Reichmann, O./Wiegand, H. E./Zgusta, L. (Hrsg.), *Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie*. Berlin/New York, 649–657.
- Kortas, J. (2003), Hybrydy leksykalne we współczesnej polszczyźnie : próba typologii, [в:] *Rozprawy Komisji Językowej 48/2003*, 51–63.
- Kühn, P. (1989), Typologie der Wörterbücher nach Benutzungsmöglichkeiten, [в:] Hausmann, F. J./Reichmann, O./Wiegand, H. E./Zgusta, L. (Hrsg.), *Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie*. Berlin/New York, 111–127.
- Müller, W. (1989), Die Beschreibung von Affixen und Affixoiden im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch, [в:] Hausmann, F. J./Reichmann, O./Wiegand, H. E./Zgusta, L. (Hrsg.), *Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie*. Berlin/New York, 869–882.
- Schaeder, B. (1989), Diafrequente Markierungen im allgemeinen einsprachigen Wörterbuch, [в:] Hausmann, F. J./Reichmann, O./Wiegand, H. E./Zgusta, L. (Hrsg.), *Wörterbücher. Dictionaries. Dictionnaires. Ein internationales Handbuch zur Lexikographie*. Berlin/New York, 688–693.
- Scheller-Boltz, D. (2013a), Qualitätsdimensionen zweisprachiger Wörterbücher im diachronen Vergleich – Oder: Was dürfen Übersetzer(innen) heute von einem zweisprachigen Wörterbuch erwarten?, [в:] Kempgen, S./Wingender, M./Franz, N./Jakiša, M. (Hrsg.) (2013), *Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress Minsk 2013*. München/Berlin/Washington D.C., 263–272.
- (2013b), Gemeinsamkeiten und Unterschiede im Gebrauch von Konfixen im Polnischen, Russischen und Deutschen. Translatorische Herausforderungen und lexikografische Aufgaben, [в:] Born, J./Pockl, W. (Hrsg.), *Wenn die Ränder ins Zentrum drängen. Außenseiter in der Wortbildung(sforschung)*. Berlin, 167–187.
- (2011a), Wie frequent sind Konfixkomposita im Gegenwartsdeutschen? Eine exemplarische Untersuchung von Konfixkomposita in der Presse unter Berücksichtigung stilistischer, pragmatischer und lexikografischer Aspekte, [в:] Di Meola, C./Hornung, A./Rega, L. (eds.), *Perspektiven Vier. Akten der 4. Tagung Deutsche Sprachwissenschaft in Italien*. Frankfurt a.M., 147–159.

-
- (2010a), Präponeme und Präponemkonstrukte im Russischen, Polnischen und Deutschen. Zur Terminologie, Morphologie und Semantik einer Wortbildungseinheit und eines produktiven Kompositionstypus. Frankfurt a.M.
 - (2010б), Präfixoid, Prämorphem, Präponem, analytisches Adjektiv, Erstglied – ein terminologischer Irrgarten. Ausgewählte gebundene Einheiten in der Diskussion, [В:] Stefanskij, E. *Evropejskaja mental'nost' skvoz' prizmu jazyka*. Samara, 77–82.
 - (2010в), *Sovremennaja leksika i sovremennaja leksikografija. Oтражение sovremennogo russkogo jazyka v tolkovyh slovarjach na primere izbrannyh složnyh slov*, [В:] Guzmán Tirado, R./Sokolova, L./Votyakova, I. (eds.), *Russkij jazyk i literatura v meždunarodnom obrazovatel'nom prostranstve: sovremennoe sostojanie i perspektivy*. Madrid, 1483–1488.
- Schlobinski, P. (2005), Editorial: Sprache und internetbasierte Kommunikation – Voraussetzungen und Perspektiven, [В:] Siever, T./Schlobinski, P./Runkehl, J. (Hg.), *Websprache.net. Sprache und Kommunikation im Internet*. Berlin/New York, 1–14.
- Worbs, E. (2002), Wörterbücher als Hilfsmittel beim Übersetzen, [В:] Kunzmann-Muller, B./Zielinski, M. (Hrsg.), *Sprachwandel und Lexikographie. Beispiele aus slavischen Sprachen, dem Ungarischen und Albanischen*. Frankfurt a.M., 36–46.